

День начинался как нельзя хуже. Ивана разбудил грубый пинок тяжёлого сапога в его валенок.

— Вставай, курва фашистская!

Иван попытался убрать ногу, сжаться и продлить ночное забытие. Но повторный пинок, уже пониже спины, вернул его к действительности.

— Встать, я сказал! — густой начальственный голос требовал беспрекословного подчинения. — Выйти в коридор! К стенке!

Мужик поднялся. Одним движением отряхнул шинель, другим поправил ушанку. В ушах звенело от громкого голоса, от прерванного сна, от холода. Не спрашивая ни о чём, впервые видя этого человека, догадался: особист. Офицерская фуражка с синим околышем, кожанка нараспашку, галифе, хромовые сапоги, особый аромат крепкого алкоголя, хорошего табака, «Тройного» одеколona и особенно глаза — с припухшими веками, красными жилками и «стальным» взглядом — не оставляли сомнений: кто же ещё?!

Придерживая здоровой рукой раненую, Иван вышел в коридор. Вдохнул: только бы без суда и следствия, чтобы семья не пострадала.

Бац!! — едва повернувшись спиной к стене коридора школы, где размещался медсанбат, солдат получил удар в скулу крепким белым кулаком. У Ивана защемило в левом глазу, а по щеке потекло горячее и солёное, огибая давно не бритую щетину.

— Отвечай, сволочь: за сколько проданся Гитлеру? Почему решился на самострел? Кто сообщники? Окопались тут!

— Как я мог? Я не стрелял,— тихо ответил солдат.— Я с сорок первого года в окопах, у меня семья...

Говорил, а сам смотрел на упитанное, выбритое до синевы лицо и понимал, что ни веры, ни пощады, ни прощения ему не будет. Взгляд солдата скользнул ниже и задержался на груди офицера, на видневшихся под смушковым воротником на гимнастёрке ордене и двум медалям. У них на весь батальон была только одна медаль «За отвагу» у старшины Поскрёбышева, полученная ещё за Финскую. А тут — целый иконостас: герой!

У Ивана Конева в груди возник тяжёлый ком, который было ни выдохнуть, ни проглотить.

В коридор вышел фельдшер и направился к умершему ночью красноармейцу, лежащему на голом полу. Он снял с шеи бойца медальон, повернулся к окну, чтобы рассмотреть написанное, и заметил Ивана с особистом. Фельдшер подошёл к ним, держа «смертный» медальон перед собой, как некий талисман.

— Нету у него самострела, трицц старший лейтенант. Чистый он, хоть у доктора спросите.

— Я тебе счас спрошу,— особист нахмурил чёрные брови.— И ты пойдёшь под трибунал. Окопались тут!

Но фельдшер не испугался и не отошёл от них, а стоял рядом, крутя в руках медальон.

— Неправда ваша, трицц старший лейтенант. Мы лечим, раненых бойцов на фронт возвращаем... А вот и товарищ военврач из операционной вышел. Вы спросите, спросите!

Из соседней комнаты поселковой школы, превращённой в операционную, вышел хирург в забрызганном кровью белом халате.

— Владимирович, скрути мне закурить, а то руки дрожат. Восемь операций за ночь — и это называется: «на фронте без перемен»?

Фельдшер с готовностью достал из кармана кисет и обрывок газеты и начал готовить самокрутку. Особист отодвинул его своим кожаным плечом.

— Товарищ военврач третьего ранга, вы оперировали этого бойца? — с нажимом сказал он и махнул рукой в сторону Ивана.

— А, этого? Да. Вчера. Козлов, кажется?

— Рядовой Конев. Подтвердите, что у него самострел?

— Что вы, что вы! Бог с вами! — врач с наслаждением затянулся махорочным дымом. — Ничего подобного. Просто повезло мужику. Пуля снайпера попала в ложе винтовки и отрубила ему только пальцы, а ведь по траектории шла в сердце. Пуля немецкая разрывная. Тип винтовки, скорее всего, «маузер»...

— Маузер-хренаузер! — раздражённо топнул ногой офицер и запахнул куртку. — Окопались тут! На фронт его посылайте, нечего здесь бока пролёживать!

— Что вы говорите! Человек вчера перенёс ампутацию двух пальцев левой руки, а вы — «на фронт»!.. А впрочем, — военврач сделал подряд две глубокие затяжки и выпустил облако махорочного дыма, — впрочем, здесь он может быстрее окочуриться, чем на фронте. Палаты отапливать нечем. Дрова есть только на операционную да на кухню. Живём в лесу, а дров нет. Не врачам же с санитарями их заготовливать? И продовольствия вчера не завезли. Раненым завтрака сегодня не будет. А на обед только щи — кипячёная вода с капустными листьями. Так что ступай-ка ты, солдат, к своим. У тебя, кажется, полк недалеко?

— Так точно, недалече. За Рутсалмой. День пешком...

Последнее слово в разговоре сказал особист:

— Смотри у меня, рядовой Конев, я тебя на заметку взял.

Старший лейтенант обвёл всех недобрым взглядом, сплюнул и пошёл, скрипя хромовыми сапогами по заскорузлomu дощатому полу. Вслед ему все облегчённо выдохнули.

— Не бойся, солдат, — сказал военврач. — Уйдёшь на передовую, и он о тебе забудет.

— Да не боюсь я, — расхрабрился Иван. — Меня всё равно скоро демобилизуют. Я уже три года воюю, мне срок пять лет исполнилось. Сегодня! Подлежу демобилизации по возрасту.

— По закону — да, но... — военврач с сомнением покачал головой. — А впрочем, Финляндия вот-вот выйдет из войны, так что вполне могут и отпустить. Петроченко, закончишь оформлять умершего — займись вот Иваном. Выпиши его, и пусть уходит, от греха подальше. А ты, Конев, иди пока попроси перевязку тебе сделать. Да скажи, пусть бинт тебе ещё с собой выдадут. Стираный. А будешь перевязку в части

делать, прикладывая к ране мох. Если начнётся нагноение, обратись к санинструктору. Ну, прощай, солдат. Живи!

Врач откинул в жестяное ведро дотлевший до края газеты окурок и, ссутулившись, ушёл обратно в операционную.

Не прошло и часа, как Иван Конев, с заново перебинтованной рукой, со справкой об излечении, с запасным мотком бинта в кармане шинели, вышел из деревянной калитки медсанбата.

Посёлок железнодорожников и лесозаготовителей, в котором размещались тылы стрелковой дивизии, находился недалеко от станции Кемь. Посёлок был маленький — несколько десятков бревенчатых домов и барачков. Его окружала глухая тайга, даже сейчас, в конце марта, покрытая толстым слоем нетронутого солнечным теплом снега. В безбрежных сугробах было пробито лишь несколько извилистых и глубоких дорог.

До расположения полка, в котором служил красноармеец Конев, было вроде и рукой подать — километров пятнадцать, но идти одному, не евши два дня, да в мороз, не хотелось, и Иван стал искать оказию. Он прошёлся мимо станции, где в маленьком вокзальчике обитало начальство участка военизированной Октябрьской железной дороги. Мимо дощатого здания бывшего клуба, где находился штаб дивизии. Строгий часовой окликнул его и посоветовал не приближаться к охраняемому объекту. Тогда Иван направился к окраине посёлка, к складам. Здесь ему повезло: у первого же склада пыхтела газогенераторным движком забелённая извёсткой полуторка. Шофёр, молодой парнишка в объёмистом ватнике, подпоясанном брезентовым ремнём, безуспешно пытался закрыть задний борт, но что-то там у него заело. Иван подошёл, здоровой рукой придержал борт, и парнишке, наконец, удалось закрыть его. Он сверкнул синими весёлыми глазами, светившимися на чумазом лице, кивнул:

— На передовую, солдат?

— Мне бы в хозяйство Окулова попасть, — просяще сказал Конев.

— Ну, допустим, и я туда. Но я тебя взять не могу — не положено. Ну, допустим, пройди вперёд метров сто. А то, знаешь, у нас старшина строгий — ужас!

— Ладно, понял.

Иван торопливо отошёл от машины и зашагал вперёд по утоптанной снежной колее. Не прошло и пяти минут, как его догнали. Коротко гуднув, полупортка резко затормозила рядом. В открывшейся фанерной дверце машины блеснула молодая белозубая улыбка шофёра:

— Садись, дед, тебе ещё до Берлина топать!

Иван неуклюже влез в тесную кабину, путаясь в шинели и оберегая раненую руку. Автомобиль тронулся.

— Спаси Христос, паря, выручил. Вот только отблагодарить тебя нечем. Махры могу дать немного.

— Да не курю я.

Нежная цыплячья шея шофёра слегка порозовела, немало удивив Конева. «Чисто девушка», — подумал он.

— А сам ты, дед, из каких краёв будешь?

— Да что ты, паря, заладил: дед да дед?! Мне сегодня только сорок пять стукнуло. Правда, дети уже большие. Двое старших тоже в армии служат.

— Ну, допустим, меня тоже не «паря» зовут, а Наткой. Да не сердись — вид у тебя... того.

— Да уж, эх! Вид у нас у всех... А сам-то я издалека, из Сибири. На передовой с ноября сорок первого. Был на Калининском. Ранили, да не убили! Теперь вот здесь зацепило. А ты молодец: деваха, а рулить научилась! И родители как-то отпустили?

— Сирота я, — хмуря брови и сосредоточенно глядя вперёд, сказала Натка. — В тридцать седьмом родителей забрали, а меня в детдом. Родные мои оказались врагами народа и... А меня записали под другой фамилией. Директор детдома у нас был хороший мужик, свойский. Его на Финскую забирали, там контузило, когда Маннергейма рвали. А ещё мотоцикл у него был. Он и нас катал, и ремонтировать ему помогали. Ну, допустим, выпустили меня в прошлом году из детдома, и пошла я на курсы шофёров. А что, мне нравится.

— Да, война, — вздохнул Иван. — Сколько судеб переделала! Тебе бы парня хорошего да детишек рожать, а ты вон — на машине. Ого!

— Ничего, дядя! Кончится война — вернутся наши парни. Наверное...

Снегопада не было давно, и по хорошо утрамбованной колее машина шла ходко. Солнце наконец пробилось

сквозь тучи и засияло над острыми пиками елей. Заметно потеплело.

За очередным поворотом дороги показалась «рогатка», обозначающая КПП хозяйства Окулова. Девушка-водитель притормозила.

— Ну, всё, дядя, вылезай. Приехали!

— Спасибо тебе, красавица! Мне отсюда всё равно влево идти. Пойду сразу в свой батальон. Будь здорова!

Натка ответила светлой улыбкой и что есть силы двинула рычаг передачи. Пыхнув на Конева дымом, полуторка покати́лась дальше.

После яркого солнца и морозного лесного воздуха в землянке командира роты было темно, волгло и душно. Коптилка из сплющенного зенитного снаряда больше чадила, чем освещала. Столько же света давала раскалённая железная печурка в углу. Густо пахло махорочным дымом и мокрой шерстью. Лейтенант Фролов, ротный, обедал.

— Товарищ лейтенант, рядовой Конев прибыл после... после санбата,— доложилась боец.

— Прибыл — и лады. Нечего бока пролёживать, пока война идёт.

— Да уж, там належишь...— проворчал Иван и рассказал, что опер из особотдела дивизии дал ему три наряда вне очереди.

Ротный грубо выругался и залпом допил из оловянной кружки прозрачную жидкость. Суконным рукавом прикрыл обожжённый спиртом рот.

— Да хрен с ним, забудь,— выдохнул лейтенант секунд через десять.— Но приказание старшего по званию надо исполнять. Как рука — ничего?

— Ничего.

— Главное, что не правая. Найдёшь сержанта Ставинского, он в поиск идёт. Пойдёшь с ним. Давай, Конев!

— Есть.

Иван потоптался, неуклюже отдал честь и вышел из землянки на воздух.

Сержанта Ставинского он нашёл быстро. Вернее, сержант сам встретил его возле штабеля толстенных еловых брёвен.

— Конев, стой! Куда идёшь? Я думал, ты в госпитале.

— Вернулся. Два пальца оттяпали и сказали: не мухлой. Стрелять можешь — иди воюй, пока не убьют.

— Что ж, Конев, ты — мужик, солдат, ты сможешь. Здесь ты нужнее. Пойдёшь со мной в поиск? А то дали всех молодых. На лыжах-то ходить не все умеют, не то что что-то другое...

— Пойду, куда я денусь. Мне ротный сказал.

— Так, ну и отлично! Иди в землянку первого взвода. Там хлопцы паёк получили, накормят. Лыжи дадут.

— Старшой, у меня винтовку разбило.

— А, лады, получишь ППШ.

— Не-ет, трёхлинейка сподручнее будет. Тот тяжёлый, и грохоту много, а толку мало. Мне бы...

— Какой из тебя сейчас стрелок, Конев? Автомат положил на камень или на бревно — и пуляй. В нём семьдесят патронов. Да и... скажу только тебе: идём без офицеров и без коммунистов. Парни у меня молодые и необстрелянные. Это их первое серьёзное дело. Я не собираюсь ввязываться в случайный бой, не хочу потерь. Я хочу, чтобы через три дня все вернулись живые. Наша задача: разведка и охранение на случай, если финны что задумают. Вот так. Ступай, подкрепиись, подготовься, а если успеешь — поспи. Времени мало!

Сержант ушёл по своим делам, а Иван направился в землянку. Там его накормили разогретой американской тушёнкой с чёрным хлебом и напоили горячим «чаем» из соевых почек. Как раненому, ему выдали неровный кусок зернистого сахара. Иван с наслаждением выпил две кружки кипятка, изгрыз полкуска сладкого, а остаток аккуратно завернул в тряпицу. Его немного разморило, и он почувствовал себя вернувшимся домой.

Но сидеть без дела не пришлось. Ему указали его лыжи, выдали автомат, новый, ещё в смазке. С немалым трудом одной рукой Иван протёр автомат, с помощью одного из солдат вставил полный диск. Затем, отложив все другие дела на потом, он лёг на голый топчан из неошкуренных еловых жердей, подложил под голову вещмешок, спрятал нос в воротник шинели и заснул. Заснул сразу, будто провалился куда-то глубоко...

Разбудил его громкий голос в самое ухо:

— Красноармеец Конев, подъём! Выходи строиться!

Кряхтя и поёживаясь от холода, сковавшего все члены, охлопывая себя здоровой рукой, Иван вышел из землянки. Следом за ним вышел сержант Ставинский. Солдаты отделения уже выстроились в короткую шеренгу. От своей землянки торопливо шёл ротный.

— Готовы? Больных нет? — отрывисто спросил лейтенант Фролов. — Документы сдать.

Сержант протянул командиру пачку документов. Глянул на Ивана:

— Конев, давай красноармейскую книжку, — и немного погодя добавил: — Пойдёшь замыкающим. Если у молодых будут проблемы с лыжами, поможешь.

Иван согласно кивнул головой. Сам он ходил на лыжах с детства, знал следы, мог везде найти дорогу, мог ночевать в зимнем лесу. С другой стороны, идти последним, по готовой лыжне, гораздо легче, что немаловажно в его нынешнем состоянии.

— Зря в бой не ввязываться, — отдавал последние наставления ротный. — Ваше дело — разведка, дозор. Идёте по маршруту: Кемь-озеро — скала Гладкая — речка Безымянная. Две ночёвки в лесу. Ставинский, брезент взяли? Ладно. Если напоретесь на засаду, окружение — прорываться по одному. Ну-с... За Родину, за Сталина! Напра-а-во! В колонну по одному — марш!

На опушке леса все надели лыжи, и через пять минут отряд затерялся в густых карельских дебрях.

Часа через два спорого хода по слежавшемуся за зиму насту сержант скомандовал пятиминутный привал. Остановились в густом подросе ельника среди огромных гранитных валунов. Иван, не снимая лыж, присел на корточки, привалился спиной к скале. Ставинский подошёл к нему. Кивнул на руку:

— Как? Не болит?

— Ничо. Кровит малость, — Иван слегка покачал правой рукой левую. — А холод, он как бы безболит.

— Терпи, солдат. Я у озера сарай знаю. Конюшня там, что ли, была. Переночуем под крышей. А лейтенант-то наш скомандовал: «Попадёте в окружение — прорываться по одному!» Тьфу! Три года воюем, а ничему не научились. Эх, Расея! Слушайте все! — повысил он голос. — В случае чего:

бой, заварушка какая,— держаться вместе, дружно, раненых не бросать. Пробиваться в одном направлении, поддерживая друг друга. Встали. Марш дальше!

До озера дошли ещё до темноты. Карельский лес стоял тихий, мрачный. Уходящее за горизонт солнце скрыли серые тучи, и повалил густой, хлопьями, снег. Потеплело.

Сарай, о котором говорил Ставинский, нашли сразу. Он стоял на крутом пригорке, одним длинным боком повернувшись к лесу, другим — к заснеженной глади озера. Уже в сумерках цепочка советских лыжников, выйдя из-под прикрытия мачтовых сосен, проскользнула к строению. Каждый нёс с собой сухую жердину или большую ветку, подобранные для будущего костра. Один из бойцов, пропустив вперёд Ивана Конева, заметал лыжный след срубленной ёлочкой.

Войдя в сарай, солдаты столпились сразу за воротами. Ставинский достал из вещмешка свечу, на ощупь в углу нашёл фонарь и засветил его. Все огляделись. Похоже, до Финской войны здесь и вправду была конюшня. Очевидно, лесозаготовители или дорожные рабочие держали здесь лошадей. По крайней мере, сена здесь было вдоволь.

— С костром поосторожнее, сено не подпалите,— предупредил сержант.— Вот здесь и переночуем. Деревянко, Терехов — в секрет. Через час вас сменят.

— Това-ариц сержант,— загнусавил разбитной коренастый красноармеец.— А что всё время Деревянко да Терехов? Мы тоже намёрзлись...

— Разговорчики! — оборвал его Ставинский.— Что, на волю вышел? Я те сейчас вправлю...

Боец обиженно засопел красным простуженным носом:

— Дай хоть портянки переобуть. Простыл я и... Да какого рожна здесь караулить? На десять вёрст вороны нет, не то что врага.

— Ладно, не канючь! Полчаса роздыха — и вали в секрет. Я же сказал: вас сменят.

Пока они препирались, другие бойцы сгребли разбросанное по земляному полу сено, выкопали в мёрзлой земле неглубокую ямку и разожгли аккуратный яркий костерок. Поставили рогатины, подвесили на них два котелка, набитых снегом, достали из вещмешков сухари, тушёнку.

Иван сгрёб ногами охапку подгнившего сена, привалил его к дощатой внутренней стенке и сам привалился к ней, баюкая раненую руку. К концу дня раны разнылись. Он подумал, что надо бы сделать перевязку, но сил шевелиться почти не осталось. Вскоре рядом с ним присел и Ставинский, внимательно поглядывая за бойцами, готовящими ужин и ночлег.

— Я вот всё хочу спросить тебя, старшой... — начал Иван.

— Тихо! — вдруг вполголоса цыкнул Ставинский и весь напрягся.

Он приник ухом к доскам перегородки. Все остальные замерли вместе с ним. В противоположном отделении конюшни чуть скрипнула на ржавых петлях входная дверь, и приглушённо зазвучали чужие голоса:

— Paistaa täällä, missä olet menossa taskulamppu?..¹

— Yucca, saada iso Primus².

— Savu haju! Huomio!³

— Ovat Venäjän?⁴ Твою мать!

Последний окрик прозвучал тревожно и не как угроза, а как призыв о помощи.

Кто-то из молодых бойцов, не выдержав напряжения минуты, громко вздохнул-всхлипнул. Другой переступил на месте, и под ним треснула подгнившая доска.

За перегородкой крикнули:

— Kuka on täällä? Vastaa minulle! Ampua!⁵

Ставинский и Конев одним махом откатились от стенки, за которой были враги. Другие красноармейцы попадали кто где стоял. Защёлкали затворы автоматов.

На другой стороне конюшни у финнов всё затихло. Через несколько долгих секунд раздался осторожный голос:

— Совет, переговоры!

— Не стреляйте! — с готовностью откликнулся Ставинский. — Перемирие!

— Офицер, коммунист — есть? — тот же голос.

¹ Свети сюда, куда ты с фонарём?.. (фин.)

² Юкка, достань большой примус (фин.).

³ Дымом пахнет! Внимание! (фин.)

⁴ Неужели русские? (фин.)

⁵ Кто там? Отзовись! Стреляю! (фин.)

— Я — сержант Ставинский, старший по команде. Предлагаю вашему старшему с одним бойцом выйти на улицу для переговоров. Есть кто по-русски говорит?

— Тиму!

За перегородкой по соломе прошуршали шаги, и заговорил новый голос, молодой, старательно собирающий знакомые слова в короткие фразы:

— Слушайте, сержант. У нас офицеров нет. Первыми стрелять не будем. Унтер-офицер Ника Хяменляйнен и я, капрал Тиму Порхов, через минуту выходим. Встреча у стены со стороны озера. Да?

— Идёт! Выходим...

Ставинский оглянулся на Ивана:

— Конев, пойдёшь со мной? Это не приказ.

— А что? И пойду! Если переговоры честные, авось стожусь. А если обман — так в бою молодые да здоровые нужнее будут.

Они встретились на заснеженном пятачке карельской земли, под низким облачным небом ранней весны. Двое русских солдат и двое финских. Враги. Соседи. Очень кстати у стены конюшни лежало неошкуренное бревно. Ставинский валенком смахнул с него снег:

— Присядем. В ногах правды нет.

Он сел первым. Финны закинули свои воронёные пистолеты-пулемёты за спины, сели с краю. Иван пристроился за спиной сержанта. На «разговор» он пришёл без автомата, но в кармане шинели на всякий случай пригрел лимонку.

Стало уже совсем темно. Над самыми вершинам елей проносились серые тучи, роняя редкие снежинки. Поднимался ветер, предвещающий ночной бурю. Но за бревенчатой стеной было тихо и почти уютно.

— Мы вас не тронем, — сразу объявил на чистом русском языке высокий белолицый суомалайнен. — И вы нас не троньте. Переночуем, а утром разойдёмся. Каждый по себе.

— Нам лишние проблемы ни к чему, — согласился Ставинский. — Мир до утра. Даю честное слово.

Он одним ловким движением, так что никто не успел шелохнуться, достал из-за пазухи шинели банку американской тушёнки.

— К вашему столу — от наших союзников!

Финский унтер, немного помедлив, взял подарок и в ответ протянул... банку американского колбасного фарша.

Иван Конев сглотнул слюну и вдруг ни с того ни с сего сказал:

— А у меня сегодня день рождения. Сорок пять лет!

Финны переглянулись. Капрал сказал своему другу:

— Ivan syntymäpäivä tänään⁶.

Унтер изобразил жёсткими губами подобие улыбки и достал из бокового кармана плоскую фляжку. Отвинтил пробку, цокнул языком, отхлебнул, аппетитно двинув острым кадыком. Затем протянул фляжку Ивану:

— Гут! Хорош водка!

Иван взвесил стальную ёмкость в руке, собрался с духом:

— Ну, будем! — и сделал большой глоток.

Иностранный алкоголь как ножом полоснул гортань и проскочил в желудок, оставив во рту ощущение обжигающего холода и вкус клюквы.

Следующим выпил сержант Ставинский:

— Будь здоров, Иван! — и передал водку Тиму.

— С днём ангела, Иван! Мира тебе!

Финны достали сигареты в тонких пачках, угостили русских.

— Странный вкус,— сказал Ставинский.— Горло дерёт, а слабые.

— Эрзац, немецкие.

— Слушай, Тим, ты здорово по-русски говоришь. Русский, что ли?

— В восемнадцатом году мой отец служил в Гельсингфорсе. Моряк, офицер. Матушка была на сносях. Они сбежали от большевиков. Я родился уже в Республике Финляндия. Я — финский гражданин.

— Да, вот ещё судьба... Что ж, мужики,— Ставинский затушил окурок в снегу,— как говорится, переговоры закончены. По домам!

Советский сержант и финский унтер отдали друг другу честь. Капрал Тим тоже приложил два пальца к козырьку

⁶ У Ивана сегодня день рождения (фин.).

меховой фуражки. Иван, поднимаясь с бревна, мотнул головой и отвернулся. За этот длинный-длинный день он страшно устал, и ему хотелось только спать.

Едва вернувшись в конюшню, Иван, не подходя к солдатскому костерку, повалился на облюбованную охапку сена и постарался заснуть.

— Конев,— позвали его товарищи,— иди поешь.

— Не-ет,— с неохотой отозвался он.— Устал я. Пере-терплю до утра.

Но только солдат стал забываться желанным сном, к нему подвалился сержант Ставинский, держа в руке сурь, покрытый толстым слоем тушёнки.

— Слышь! Спишь?

— М-м, угу...

— Часовых я назначил на всю ночь, попарно. Ты отдыхай. А нормальные мужики финны, да? Хорошо, что мы с ними договорились. Но завтра надо встать пораньше и уйти по-тихому.

— Ага.

— Хлопцы, кто свободен, уже поели и спят. А я, наверно, всю ночь не засну.

— А я засну.

— Ну, спи... Да, слышишь, Конев? Ты на каком фронте до Карелии воевал?

— На Калининском.

— Где командующим был генерал Иван Конев? Ну ты даёшь! Офицеры «во фронт» перед тобой не вставали? Ха-ха! Полный тёзка генерала, надо же!

— Не, не полный. Тот — Иван Степанович, а я Иван Афанасьевич. Мужики в роте зубоскалили, конечно. А так ничего.

— А чего тебя сюда перевели?

— Ранило меня осколками мины в грудь. Один осколок остался. Врач сказал: близко от сердца, опасно убирать. Полежал в госпитале в Вологде, съездил домой, потом сюда направили.

— Понятно.

Сержант замолчал, и Иван стал опять засыпать. Но Ставинский, повертевшись с боку на бок, опять толкнул его локтем:

— Спишь, Конев?

— Угу...

— А ты что хотел у меня спросить, ну, когда финны пришли?

— Чего-о? А-а... Это, слышал я, ты офицером прежде был?

— Да. Майором. Осенью сорок первого, когда отступали, дали приказ: стоять насмерть. Держаться! А за что держаться? За лысую гору? За овраги, которые к немцу передом, а к нам задом? Но держались, пока боеприпасы были. А фрицы нас обошли. Командиры драпанули и забыли наш полк. Вот через месяц вывел я остатки полка из окружения. Почти единственный офицер остался. И знамя вынесли. Командарм меня лично обнял, обещал наградить. А на следующий день подъехала чёрная «эмка», и крепкие мóлодцы взяли майора С. под белые ручки и увезли. На Лубянке довелось побывать. А там спросили, сурово так спросили: а где ты полк водил целый месяц? Чем тебя фашисты купили? Какое задание получил от абвера? А почему у красного офицера жена — поповская дочь? А зачем скрыл, что дед красного офицера — царский чиновник? Вот я и попал. И пропал майор Красной Армии. И объявился в воркутинских лагерях новый зека. И сгинул бы безымянный зека где-нибудь в тундре или в шахте. Но добра советская власть. Учредили в Красной Армии штрафные батальоны. Терять мне было нечего — и так всё потеряно, я и пошёл. Был на Волховском фронте, ранило, выжил. Потом дали сержанта, прислали сюда. Думаю, летом начнём Финляндию громить — верну офицерские погоны. Война-то к концу идёт... Иван, ты спишь, что ли?

Ответом ему было молчание и тяжёлое дыхание крепко спящего солдата.

— Ладно, спи, а я пойду хлопцев проверю.

Ставинский ушёл. Спящий почмокал губами — видно, привиделось что-то хорошее, — и повернулся спиной к костерку.

Вот и прошёл ещё один день. День войны. День жизни красноармейца Ивана Конева.